

Игорь Липин

ШАШКА

(мистическая повесть)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. ДУНЯ

При крещении пьяненький батюшка, обидевшись на отца за небогатое подношение, а может ещё за какие другие прегрешения, назвал новорожденного Евдоксидунием. Русскому человеку, конечно, такого имечка не выговорить и потому все стали звать его просто Дунькой. Много носов пришлось расквасить малолетним ровесникам за обидное женское прозвище, но, ничего не поделаешь, это в станице обычное дело — если уж прилипла кличка, то намертво. Даже в семье его так звать стали.

Так и остался он по жизни с женским именем Дуня и со славной казачьей фамилией Каратаев.

У батяни кроме него было пять сестёр, брат Петруха и он — последыш. Быть младшеньким в казачьей семье не сахар. Мало того, что сёстры, взрослые уже девахи, постоянно шпыняли, так Петька, хоть и был всего двумя годами старше, нос задирает, изображая из себя наследника отцовского

хозяйства. Хотя наследовать-то особо и нечего было — отец, по станичным меркам, считался просто «справным» казаком. Имел обычную хату-мазанку, подворье, пяток коров, шесть лошадей, ну и кур да гусей без счету. Землицы, правда, было маловато — станичное общество нарезало наделы земли только на сыновей, а на девок не полагалось...

Постоянно, в батраках, при них жил приبلудный безответный глухонемой мужик, пришедший когда-то давно в станицу неизвестно откуда. Из-за большого родимого пятна в пол-лица звали его не иначе как Каин. Вроде получалось, как бы каиновой печатью отмечен. В страду, конечно, нанимали ещё батраков, не без этого — не успевал отец вместе с Каином в четыре руки со всем хозяйством справляться, рыбалить, на охоту ходить, а дочкам-то на приданое надо было зарабатывать!

Больше всего завидовал Дунька тому, что старшему брату по наследству перешла дедовская шашка — с потемневшей дубовой рукоятью, позолоченным эфесом и хищно выгнутым лезвием. Прогиб у неё был чуть-чуть больше чем надо, и это придавало шашке особый шик и красоту. На серебристой режущей кромке было несколько едва заметных зазубрин — это, если верить рассказам отца, одно время басурмане приноровились в плечи черкески полосы железа вшивать, чтобы берегли

они их от казацкой шашки. Только бесполезно было — всё равно разваливал их дед от плеча до пояса страшным ударом. Удар этот был чисто каратаевский — только они умели рубануть так, чтобы тело человеческое мягко и плавно развалилось на две половины, выпустив сизые петли кишок. Шептались ещё станичники, что шашечки у них были не простые, а заговорённые, потому как без колдовства не под силу простому смертному так половинить человека.

Старший брат часто снимал дедовское оружие со стены и, на зависть Дуне, выходил на двор лозу порубать. Такие упражнения в казачьих семьях поощрялись — сызмальства пацаны к оружию должны привыкать. А к своей шашке отец строго-настрого запрещал прикасаться. В свои пятьдесят лет был он ещё не слабым казаком и всегда приговаривал, что выпустит любимую шашку из рук только после смерти и пусть она тогда внучатам достанется — Петенькиным деткам.

Частенько горько плакал по ночам Дунька от такой несправедливости. Зависть и обида душили его, во сне и наяву грезил он шашкой, принадлежавшей бы только ему, ему одному. Он почти ощущал, как ребристое дерево рукояти ложится в ладонь и непередаваемый стальной звон лезвия отдаётся в руку и волнует кровь. Просыпаясь, с горечью осознавал, что нет у него

никакой шашки и, накрывшись подушкой, давал волю слезам. Плакать надо было беззвучно и осторожно — не дай Бог, отец услышит или прознает, что Дуня плакал, порки тогда не миновать — казак слёзы лить может только один раз в жизни — на похоронах матери. Вспомнив об этом, он ещё больше начинал рыдать, страшно становилось когда представлял мёртвой свою мать — тихую безответную женщину, часто украдкой ласкающую своего младшенького сыночка.

А утром, ехидный Петька докладывал отцу:

— Опять наш Дунька нынче ночью как баба ревел...

Не торопясь, отец облизывал ложку и с размаху бил по лбу Петруху:

— Доносчику первый кнут! А ты Дунька, марш на двор за розгами!

Глава вторая. КУЗНЕЦ

Несколько раз, улучив удобную минутку, когда бывал отец в благодушном настроении и подпитии, подкатывался Дуня к нему с просьбой:

— Бать, батяня, мне бы шашку купить... скоро занятия строевые, а у меня никакой нет...

— Отстань, — резко обрывал его отец:

— Денег нет пока, вишь, сестрам твоим приданое надо, девки уже на выданье, а абы какую

шашку покупать, так себе дороже будет! Цыть пока, надо будет, к сроку справим...

После Покрова дня, станичное общество назначило для молодёжи военные сборы проводить: джигитовкой заниматься, лозу, да кочаны капусты на полном скаку рубить, пластунскому делу обучаться.

Вечером вынес отец из чулана старый кавалерийский палаш и вручил его Дуньке:

— Накось тебе эту сабельку. Штобы капусту крошить и такая сойдет...

Закусив губу, водил Дунька точильным камнем по ржавому лезвию тщетно пытаясь стереть глубокие раковины и хоть чуть-чуть убрать зазубрины. Со стыдом представлял он, как под насмешливые взгляды стариков-станичников, будет не рубить, а переламывать упругие ветки неуклюжим куском железа, даже отдалённо не напоминающим настоящую казацкую шашку. Рядом, заложив одну руку за спину, ходил по двору и вертел своей шашкой злыдень Петруха. Дунька старался не смотреть на него, но сверкающее полированное лезвие само собой притягивало взгляд.

Наконец-то, перед самым рождеством, пошел отец, вместе с Дунькой, к кузнецу Остапу насчет шашки договариваться.

Был кузнец необычайно широк в груди и

сильно колченог. Рассказывали про него, что десять лет провёл в басурманском плену, где нехристи у него жилы с ног вытянули, но всё равно он смог убежать. Там же, в плену, много секретов оружейного дела узнал и поговаривали, что даже самому хану Гирею шашку ковал.

Катясь шариком от закопчённой кузни, стоящей в глубине подворья, подошёл Остап к ним. Сдержано поздоровались. Отец угостил самосадам из кисета. Закурили, поговорили об озимых, о погоде и видах на урожай. Наконец, перешли к главному.

— Сколько Остап, возьмёшь за то, чтобы шашечку моему последышу отковать?

Прищурился кузнец, не спеша стряхнул пепел с сигарки:

— Двадцать червонцев золотом.

— Двадцать червонцев? — ахнул отец, — Да в базарный день...

— Вот и покупайте себе шашки на базаре! — кузнец зло сплюнул на сигарку, растоптал её кривой ногой и, не оглядываясь, пошёл прочь.

— Погодь, погодь, Остап, давай поторгуюсь!

— Не торгуюсь!

— Да согласен, согласен я на твою цену!

Кузнец, остановился:

— Ладно уж, коли так, то по рукам!

— Слышь, Остап, это самое..., — отец

замялся: — А шашечка-то, ... гм, гм..., заговорённая будет?

Строго и долго посмотрел кузнец сначала на отца, а потом на Дуню. Лицо его до самых бровей заросло седой бородой, от которой пахло палёной шерстью. Лысая башка была на диковинный манер повязана грязной тряпицей. Чёрные выпуклые глаза пронзали насквозь:

— Так вить, цену-то я за заговорённую и назначил. Простая-то, знамо дело, дешевле будет. Знаю, что мальцу твоёму только такая и нужна..., не простой он хлопец у тебя... Да уж, не простой... Ты Дуня, на следующий молодой месяц прибегай ко мне в кузню, вместе ковать будем — надо чтобы шашечка твоя с самого рождения привыкала к тебе.

Не попрощавшись, кузнец заковылял прочь...

Глава третья. МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Наконец-то дождавшись когда месяц тонкой серебряной чёрточкой прорезал зимнее небо, Дуня примчался к кузнице. Сквозь щели притвора сверкали огненные всполохи, что-то шипело, громко ухало и звенело. Перекрикивая этот адский шум, раздался зычный, как из бочки, бас кузнеца:

— Входи уж, чего там у двери толчешься!

Толкнув дверь, Дуня вошёл и замер в удивлении. Внутри кузница действительно

походила на ад: стены были закопчены до такой степени, что казались сделанными из блестящего антрацита, в центре, синим пламенем жарко горел и гудел горн. Два мускулистых, голых по пояс молотобойца, в кожаных фартуках, с размаху колотили огромными кувалдами по светящейся и выстреливающей огненными искрами железяке, которую держал щипцами сам кузнец.

Кивком головы хозяин кузницы остановил работу своих подручных и они бесшумно куда-то исчезли, растворившись в таящемся по углам сумраке.

— Значицца шашечку надобно отковать тебе, Дуня... — после долгого молчания заговорил кузнец:

— Сделаем тебе шашечку, сделаем. Вечерами я сам её ковать буду, ну а ты на подхвате станешь..., посмотришь как в огне, да меж молотом и наковальной она рождаться будет, как мы её из пекла в купели калить станем... Много чего удивительного в работе увидишь, но зазря меня ни о чём не спрашивай, знай, что так оно надо..., без этого НАСТОЯЩУЮ шашку не выкуешь. Щас отдохнём чуток, да когда время к полуночи ближе будет, пойдем заготовки откапывать. Есть у меня дальние схороны...

Уже больше часа брели они по заснеженной степи. Даром что колченогий, кузнец, не

оглядываясь, прытко семеня по полям и буеракам, да так, что Дунька едва поспевал за ним.

Наконец, спустившись в ничем неприметную балку, остановились на краю заросшего камышом болотца. Остап прошёл несколько шагов взад-вперёд и, вытащив откуда-то крошечную лопатку, сунул её в руки Дуне:

— Вот, копай здесь!

Мёрзлая земля на удивление легко поддалась отточенному лезвию лопаты, и вскоре, Дунька углубился почти на несколько вершков. Неожиданно, в темноте ямы что-то забелело. Подковырнув странно лёгкий камень-голыш, он с ужасом увидел, что это был человеческий череп, зловеще ухмыляющийся беззубой верхней челюстью.

Кузнец, стоящий рядом, коротко хохотнул:

— Не бойсь мертвяка, живых опасаться надо!

Под черепом торчало из земли несколько ржавых металлических прутков. С кряхтеньем ступив в яму, Остап легко вытащил из земли длинные полосы металла:

— Вот Дуня, это заготовки на твою шашечку. Ровно семь лет ржа болотная выедала из них всякую гадость, а мертвая голова злобой напитывала. Не может настоящая шашка без злобы быть, тогда это не оружие, а так... пустая железка будет...

Кузнец ударил прутками друг о друга и над ночной степью поплыл долгий мелодичный звон:

— Слышь? Поёт уже, поёт твоя шашка! Крови и сечи просит...

Глава четвертая. КАИН

Никогда бы не подумал Дуня, что отковать шашку такое кропотливое дело. Без устали кузнец сковывал заготовки в одно целое, разрезал и снова калил в горне, подсыпая в огонь какие-то едко пахнущие порошки. Время от времени, с шипением, поочередно опускал будущее оружие то в воду, то в масло. Ковыряя заскорузлым ногтем бесформенный металл, иногда сокрушённо качал головой, но чаще улыбался и шептал что-то нежно-ласковое. Странно и жутковато было видеть Дуне в такие минуты Остапа, разговаривающего с железякой как с малым ребёнком.

Прошло больше двух месяцев, но металлическая болванка, с которой возился и нянчился кузнец, даже отдалённо не напоминала шашку.

Однажды, в очередной раз отковав заготовку, Остап сказал Дуне:

— Вот что хлопец, сейчас больше ко мне в кузню не бегай. А после третьего дня приходи, приходи... Сглазить боюсь, но может уже готово